

# Особое состояние

Сергей Кирвель

18+

Сергей Кирвель  
**Особое состояние**

«Автор»

2025

**Кирвель С.**

Особое состояние / С. Кирвель — «Автор», 2025

Рассказ об изменениях в жизни человека, потерявшего жену, о его воспоминаниях, о его новом видении окружающего мира.

© Кирвель С., 2025

© Автор, 2025

## Сергей Кирвель

### Особое состояние

Да, что-то я немного расклеился в конце осени. На работе скукотища, за окном серо и темно, дома одолевают всякие мысли, невольно уходишь в воспоминания, а иногда появляются и искажённые картинки.

Искажённые картинки, как я их называю, – это картинки прошлого из тех мест, которые знаешь и хорошо помнишь. Именно картинки, по-другому не назовёшь – в них ничто не движется, при этом я могу приблизить изображение, могу «переместиться» по нему, но там внутри всё остаётся застывшим. И главное в том, что все эти знакомые места какие-то другие. Я точно знаю, где это место находится, и как оно выглядит в реальности, но на картинке оно выглядит совсем по-другому. И всё-таки, это именно то, известное мне место. Таких картинок набралось десятков-полтора (надо будет попробовать записать и точно посчитать). Появляются они в полусне, на грани сознания. И довольно часто, когда я их вижу, дыхание замирает, и становится тревожно.

Осень уже совсем подходила к концу, когда я решил, что сегодня на работу не пойду, а буду целый день бездельничать дома. Я абсолютно уверен, что периодически такие дни непременно нужны каждому человеку. Особенно в конце осени. И четверг весьма подходящий для этого день, почему бы и нет.

Утро рабочего дня и утро выходного разительно отличаются. Утром рабочего дня после третьего звонка будильника, ты еще толком не проснулся, а уже почти оделся, быстрый завтрак, перекур, туалет, ванная комната, и ты уже на улице. Совсем другое дело утро выходного дня – практически, это ощущение маленького праздника. Постепенно просыпаешься. Потягиваясь, улыбаешься и снова погружаешься в дремоту. Всё происходит так медленно, что утро может растянуться до обеда.

В этот четверг всё шло по плану выходного дня, и только ближе к одиннадцати начало появляться ощущение, что я непременно должен что-то сделать. И это что-то, точно не застелить постель, или, например, пропылесосить. Что-то совсем другое... Почти час я машинально делал какие-то утренние домашние дела, параллельно раздумывая над тем, что же меня беспокоит. И вдруг понял: утром в полусне я видел киоск. И когда его увидел, сердце забилось чаще, и я на мгновение проснулся. Киоск – это одна из искажённых картинок. Сейчас, в этот неприятный осенний четверг, мне показалось совершенно необходимым обдумать то, что связано с этой картинкой. Присев на диван, я откинул голову на спинку, уставился в потолок, и воспоминания пришли сами собой.

В киосках продавались газеты и журналы, сигареты, некоторые канцтовары и что-то, кажется, ещё. Газеты, несмотря на разные названиями «Труд», «Правда», «Известия», вещали практически об одном и том же, тексты были разбавлены чёрно-белыми размытыми фотографиями, из этих газет люди узнавали официальные новости, в них освещались главные события. Хотя событий происходило не так уж и много, тем более главных. Возможно, поэтому то время и получило соответствующее название. И уж точно, меня все эти газеты не интересовали. Журналы были более привлекательными. В них можно было встретить что-то познавательное, или просто интересное, или даже почитать современные рассказы и повести, например, в «Юности», реально крутые, захватывающие произведения, в глубине которых уже витал дух несогласия с окружающей действительностью. Но больше всего меня интересовали издания, пишущие о футболе.

Гонять мяч во дворе гораздо были все мальчишки, в том числе и я. Первые мои мячи были резиновыми, стоили, кажется, 75 копеек. Они часто сменяли друг друга, будучи весьма недолговечными. Приходилось выпрашивать у родителей денег на покупку нового мяча. Судьба последнего резинового мяча была весьма печальной, но именно это событие заставило меня увлечься футболом по-настоящему. Течение мыслей о киоске вдруг вильнуло в сторону, я не сопротивлялся.

На дороге, идущей вдоль дома, мы с товарищем пасовались – футболили мяч друг другу. Резиновый мяч часто не слушался и летел, куда ему вздумается. После моего очередного удара мяч полетел точно на лоджию первого этажа, где жила соседка, тётка нешумная, но определённо вредная. Вырисовывалась очевидная проблема. Залезть на лоджию было не трудно, но я засомневался прежде, чем решиться на это, а когда решился, было поздно: тётка вышла и, опёршись локтями на перила, уставилась куда-то в сторону, не глядя на меня.

– Тётя, там у вас на балконе мой мяч, можете его мне скинуть? – рот пересох, говорить получалось с трудом, боялся, вдруг не отдаст, а ещё, чего доброго, наорёт на нас.

– Где, какой мяч? Нет тут ничего, – ответила тётка после паузы, оглядев свои владения.

– Да точно, он там, посмотрите, – просил я.

Соседка наклонилась, исчезнув из вида на какое-то время, а затем появилась вновь с мячом в руках.

– Ага, есть, – сказала, приторно улыбаясь, – лови!

Я даже не поверил, этого не может быть! Так просто! А я ещё думал, что она вредная. А оно, вот оно как... Я радостно подхватил мяч и ударил им об асфальт. Но мяч не подпрыгнул. В нём был разрез сантиметра два шириной, видимо, от ножа. Я обернулся, тётка стояла на лоджии и улыбалась. Тело моё обмякло, руки, ноги не слушались, мыслей не было, прижимая мяч к животу, я побрёл домой.

В лифте слезы потекли сами собой. Что делать? Как же без мяча? Что скажет мама! Уже в квартире начались всхлипывания, а затем резко перешёл навзрыд. Недавно я разбил голову, играясь на стройке, кровь текла прямо на глаза и капала под ноги. Не плакал тогда. Правда было немного обидно потом, когда пришлось тряпкой вытирать с пола в подъезде засохшую кровь, потому что соседи наругались, что я пол заляпал. Но это ерунда, а тут... Сегодняшняя беда оказалась сильнее той боли, успокоиться не получалось.

Не знаю, о чём думала мама, выслушав, наконец, мой рассказ. Она подошла к окну на кухне, посмотрела куда-то вниз, немного постояв, вздохнула и пошла к себе в спальню. Проходя мимо меня, сказала:

– Успокойся... и иди, умойся.

Магазин спортивных товаров находился совсем недалеко от нашего дома. Мама подошла к полке, на которой лежали мячи, и о чём-то поговорила с продавщицей. А потом я не поверил своим глазам: мама взяла с полки настоящий кожаный мяч и в кассе заплатила за него двадцать рублей. Этого не может быть!

– Обещай мне, что будешь играть с ним только на стадионе.

Да я был готов обещать всё, что угодно! Я нёс мяч и боялся его уронить, как же играть с ним, если даже просто нести его, и то было страшно...

Отвлёкшись от воспоминаний детства, я вышел на лоджию и глянул вниз на ту самую дорогу вдоль дома, где мы гоняли мяч. Сейчас всё было заставлено машинами, кроме того, они сновали туда-сюда, с трудом разъезжаясь друг с другом. И даже если нынешним мальчишкам вдруг пришло бы в голову поиграть с мячом, то уж точно не здесь. Приняв прежнюю позицию на диване, я вновь мысленно вернулся к киоску.

Пожалуй, статус обладателя настоящего кожаного мяча обязывал не только гонять на стадионе, но и мало-мальски разбираться в футболе, следить за новостями, быть настоящим болельщиком, смотреть по телевизору немногочисленные трансляции матчей и еженедельную передачу о футболе, в которой даже иногда брали интервью у футболистов, и один из них, помнится, сказал: «Я забиваю так много голов, потому что взял социалистическое обязательство». Ну и, конечно, было просто необходимо покупать печатные издания «Советский спорт» и «Футбол-Хоккей».

Тот киоск «Союзпечати», который является мне искажённой картинкой, находился на остановке рядом со школой. Во время перемены вполне можно было успеть сбежать и купить газету, причем вынужденно приходилось покупать не одну. Например, при покупке еженедельника «Футбол-Хоккей» в нагрузку нужно было купить «Гудок», таковы были правила. Продавщица этого киоска была среднего возраста и немного полновата. Сквозь очки она смотрела взглядом уверенным, давая понять, что не потерпит ни малейшего отступления от правил. В такой же точно, как сегодняшний день поздней осени, я выскочил к киоску в одной школьной форме. Как назло, была небольшая очередь. Узнав, кто последний, я спрятался от ветра у боковой витрины и изучал внутренности киоска, почти уткнувшись носом в стекло. Газеты лежали толстыми стопками, перекрывая одна одну, но так, чтобы было видно название. Вот в амбразуру киоска проникла рука и положила копейки. Продавщица отработанными движениями, предварительно промокнув пальцы в губочнице, выхватила и отдала нужные газеты. Вот рука следующего покупателя, и всё повторяется. Ловко у неё получается. Ещё одна рука: из-под рукава пальто видна белая рубашка, на запястье часы на металлическом браслете, в пальцах новенький рубль. Мгновение, и рука забирает газету и спрятанный под ней журнал. Это было похоже на фокус в исполнении киоскёрши, но сбоку я точно видел, как очень быстро из недр стопок появился гляцевый цветной журнал с *футболистом на обложке* и тут же был прикрыт газетой. Никто, кроме меня не заметил этих манипуляций, потому что и не смотрел-то никто. Я выглянул из-за угла киоска: следующий в очереди дяденька разглядывал витрину, тётенька копалась в кошельке, да и обладатель пальто, белой рубашки и часов повернулся так, чтобы своим корпусом скрыть для них всё происходящее внутри киоска. Сердце тогда забилося так же тревожно, как и сегодня утром, когда я увидел этот киоск в полусне.

Когда подошла моя очередь я спросил:

– А сколько стоит журнал с футболистом на обложке?

– Какой ещё футболист? Нет у меня таких журналов. Иди в школу.

Надо отметить, что «иди в школу» прозвучало так, как будто меня отправляли вовсе не в школу, а в какое-то другое место, при этом продавщица была всё так же спокойна и уверена в себе.

На следующей перемене товарищ из старшего класса, тоже болеющий футболом, рассказал мне про загадочный журнал:

– Ну, ты даёшь! Ты что, не знаешь? Это «Кепеш спорт», стоит двадцать пять копеек, но его просто так не купишь – дефицит, из-под полы продают, с нагрузкой или дороже.

С собой у меня было двадцать две копейки, накопленные на заварное пирожное, поэтому у кого-то стряс ещё три копейки и после уроков, волнуясь и настраивая свою решимость, я побежал к киоску. В киоске тётенька покупала ручку, и я как раз успел встать за ней, едва опередив высокого дядьку в сером плаще и такой же шляпе. Высыпав мелочь, я уверенно произнёс:

– Мне «Кепеш спорт»!

– Я тебе уже говорила, нет такого журнала, – в этот раз уже злобно ответила киоскёрша.

– Есть, я видел, как вы продавали его сегодня, прикрыв газетой. Есть, есть, продайте!

Тётка буквально зашипела в ответ:

– Чего орёшь, иди отсюда!

– Не уйду, пока не продадите! Продайте. Пожалуйста!

Она смотрела на меня расширенными глазами полными злости.

– Что тут происходит? – заинтересовался дядя в сером плаще и шляпе.

Что было делать? Я, даже ни на секунду не задумываясь, выпалил ему всё: и про руку с часами, и как мне сбоку всё было видно, и что это был «Кепеш спорт», и что она не хочет мне его продать, хотя это вовсе не её личный журнал! Дядька, внимательно выслушав, подвинул меня, наклонился и заглянул в киоск. Я или не слышал или просто не помню, о чём они говорили, но вскоре дяденька выпрямился и уже достаточно громко сказал:

– Продайте ему журнал.

Не глядя продавщице в глаза, я отдал деньги и получил желаемое.

– Иди, – сказал дядя в сером плаще и серой шляпе.

Я и пошёл. Оглянувшись, увидел, что в киоске открылась боковая дверь, и серый плащ вместе со шляпой заходят внутрь.

Почему-то особой радости от покупки журнала не было. Дома аккуратно и внимательно его разглядывал, язык текста абсолютно непонятный, а на фотографиях были неизвестные мне футболисты. На завтра я продал журнал за тридцать копеек тому старшекласнику. Он был очень рад.

Когда через несколько дней я пошёл за «Советским спортом», в киоске была молоденькая улыбчивая продавщица. Почему-то опять мне стало тревожно, сердце вновь ошутимо забилося. Я не знал почему.

И вот именно этот киоск появился сегодня в полусне, а потом вспомнились все эти истории. С остатками кофе и сигаретой, я вновь вышел на лоджию. Небо было хоть и пасмурное, но высокое, ветер не слишком настойчиво гонял по двору отдельные кленовые листья, основная масса которых была сформирована в тёмно-рыжие кучи. Да, точно такой же день.

Однажды, несколько лет назад, мне стало плохо, очень-очень плохо! Мне хотелось заболеть и умереть.

И я заболел. Заболел серьёзно, не какая-нибудь там простуда, а настоящее аутоиммунное заболевание. На «скорой» меня отвезли в больницу, где и провёл в итоге больше месяца. Меня навещали, причём даже чаще, чем мне того хотелось. А если честно, мне вообще не хотелось, чтобы меня навещали. Как-то раз, друг принёс в подарок книгу. Я кинул её в тумбочку, особо не заинтересовавшись, но в выходные, когда процедур практически не было, я всё же решил с ней ознакомиться. Если вкратце, там говорилось о том, что человек ведёт себя каким-то определённым образом, в результате чего у него появляется та или иная болезнь. Фактически получается, что люди сами авторы своих болезней, мы сами себе их создаём, а раз так, то значит, мы можем сами и избавиться от этих болезней. И всего-то надо разобраться в себе, наладить связь со своим подсознанием, и договориться с ним о том, что пора бы с этой болезнью покончить, выбрав альтернативу своему неправильному поведению. Я надолго задумался, а если долго думать, то причину болезни обязательно найдёшь. Во всяком случае, выводы, сделанные в книге, казались мне логичными, и как нельзя лучше подходящими в моей ситуации. Осталось наладить связь с подсознанием. Этим я решил заняться уже дома, а оставшееся в больнице время посвятил копанию в своём прошлом. Накопал там немало всего, о чём раньше не думал, но, оказывается, помнил.

Выписавшись, я дома улёгся в постель в середине какого-то дня и попробовал установить связь с подсознанием, как об этом говорилось в книжке. День за днём я повторял эту процедуру и, в конце концов, попал в такое состояние, что вроде бы спишь, но при этом мыслишь, как наяву. Очень прикольно, мне понравилось. Для себя я назвал это состояние «полусон». Именно тогда постепенно и начали появляться искажённые картинки. Поначалу особо не придавал им значения, но они повторялись раз за разом, какие-то чаще, какие-то реже, появлялись новые, и видеть некоторые из них мне было тревожно.

Маломальский контакт с подсознанием я, конечно, наладил. В результате получил стойкую ремиссию своей болезни. Но постепенно меня всё больше занимали искажённые картинки. В полусне я даже научился их самостоятельно вызывать, заглядывал то в одну, то в другую, и проверял, ничего ли в них не изменилось. Но что они есть? Почему я их вижу? Почему именно эти? Почему они не такие, как в реальности?

Воспоминание о киоске заставило меня подумать о том, что возможно эти картинки для меня что-то значат. Вероятно, я вижу картинку потому, что там и тогда произошло что-то важное. Никогда раньше я не вспоминал про покупку того журнала, но появившаяся картинка с киоском заставила меня вспомнить все детали.

Допив кофе, я ещё какое-то время побродил по квартире, а затем улёгся в постель, намереваясь погрузиться в полусон и увидеть искажённую картинку с киоском.

В искажённой картинке киоск «Союзпечати» находился на том же месте, что и в действительности. А вот дома за ним на картинке нет, и получается, что сразу за киоском на горке возвышается школа. Не было и дома сбоку от киоска, за которым пряталась телефонная будка, а вот сама телефонная будка как раз-таки была. Проще сказать, ничего-то больше и не было, только киоск, школа и будка. Не знаю, почему так. В полусне я не спешил приближать картинку. Я разглядывал её как бы на расстоянии, и было понятно, что тут тоже поздняя осень. Всё было неподвижным, можно сказать, что картинка застыла на внутренней стороне век с киоском посередине. Но через какое-то время картинка вдруг стала сама постепенно приближаться, и вот я уже возле киоска, так близко, что ещё немного и стукнусь лбом о стекло витрины. В этот момент опять всё замерло, и я увидел, что киоск был пуст в том смысле, что не было ни газет, ни журналов, ничего, что можно было бы купить. Но по центру сидел человек. Я смотрел на него в упор, а он смотрел куда-то в сторону от меня, и, хотя на нем не было ни серого плаща, ни такой же шляпы, а была просто белая рубашка, я сразу понял, что это тот самый дядька, благодаря которому, я много лет назад купил футбольный журнал.

– Оно пришло к тебе, – услышал я. При этом дядька продолжал сидеть неподвижно, губы его не двигались, а взгляд по-прежнему был направлен не на меня.

Чтобы попадать в полусон, мне приходилось стараться ни о чём не думать, это как бы одно из условий успешного погружения в это состояние. Но будучи уже *здесь*, мысли как-то сами собой начали проявляться.

– Интересно, губами не шевелит, на меня не смотрит. Это вообще он говорит, и кому он это говорит? – примерно такая мысль проявилась первой.

– То, что ты слышишь, адресовано именно тебе, – прозвучал ответ, – наличие здесь того, кто мог бы говорить, обусловлено лишь тем, что, вероятно, тебе так проще будет воспринимать информацию.

– Ух ты! А вот и нет. Как можно говорить с человеком, когда у него не открывается рот, он смотрит мимо меня, и даже какая-либо мимика на его лице отсутствует, – подумал я в ответ.

И тут дядька взял и исчез. Я даже заглянул внутрь киоска: никого. Потом посмотрел на телефонную будку, на школу. Ничего больше не изменилось.

После некоторой паузы мне вновь подумалось:

– Что значит «оно пришло», почему пришло...?

– Потому, что прошло 36 лет, – голос прервал мои мысли.

– 36 лет прошло с того дня? Почему нужно именно 36, чтобы «оно пришло»? – спрашиваю неизвестно у кого.

– Потому что 36 – это 3 раза по 12!

– А-а, ну конечно, как же я сразу не догадался, – кажется, даже в полусне я улыбнулся, – скажите, а это всё – это параллельная реальность?

– Нет. Параллельной реальности вообще не существует. Это твоя нереальность.

– Что за...? Не могли бы вы объяснить подробнее, – подумал я, тревожась, как бы связь не прервалась.

– Люди могут менять субъективную реальность друг друга. Они могут это осознавать, а могут делать это неосознанно. Как уже сказано было, эта картинка с киоском – твоя нереальность. Пространство и время здесь иллюзорно. И ты сейчас здесь, рядом с киоском, потому что 36 лет назад, сам не сознавая того, поменял чужую субъективную реальность. Бессознательно ты это чувствовал.

Я попытался понять и запомнить дошедшую до меня информацию. После некоторой паузы, я понял, *что* хочу спросить далее, но в это время, что-то мягко ударило мне в грудь, а затем настойчиво начало тереться о мои щёки. Из-за этой неожиданности я вышел из полусна.

Кот перестал тереться, и, удобно усевшись на моём животе, вылизывался. Скинув кота, я быстрее повернулся к тумбочке, взял блокнот и ручку и начал записывать то, что услышал в полусне. Чтобы не забыть. Такое уже случалось, что я забывал, поэтому завёл себе привычку сразу записывать. Первую запись я сделал вскоре после того, как впервые нащупал контакт со своим подсознанием. Запись была такой: вселенная безгранична, но в ней всё находится рядом. Мне очень понравилось начать именно с такой замечательной мысли. Правда трудно было понять, это мои сознательные мысли или это прилетело мне откуда-то. В любом случае я старался всё записывать. Вот и сейчас я всё записал и с удовольствием откинулся на подушку. Всё-таки выходной в четверг – это замечательно! Кот, увидев, что я снова растянулся на постели, быстро сориентировался и взгромоздился у меня на груди. Тяжёлый, даже дышать стало тяжело.

– Эх, откормили тебя, – сказал я, поглаживая животное.

Вообще-то раньше я кошек не особо любил... Этот кот появился у меня дома уже давно, лет двенадцать-тринадцать назад, а может даже больше. Имя ему как-то не придумалось, и мы называли его просто словом кот. Собственно, он не то, чтобы появился, а я его сам и принёс. Когда-то арендовали мы офис в коттедже, и там, на территории жила кошечка, ласковая, то о ноги трётся, то вообще в офис придёт и на стуле уляжется. Как-то в начале сентября у неё появилось сколько-то там котят. Ничего необычного, у неё они довольно часто появлялись, потом куда-то девались. Признаться, я не придавал этому особого значения. Но в тот раз подошла ко мне хозяйка коттеджа с малюсеньким котёнком на ладонях и сообщила, что кошка не принимает его, выбросила из «гнезда» и всё тут. Я, конечно, сочувственно покачал головой, потом мы ещё о чём-то говорили, и в результате я привёз котёнка домой. Это произошло как-то само собой, я не думал об ответственности, о последствиях и уж тем более не думал о том, почему кошка его отвергла. В кошках мы ничего не понимали, поэтому уже на следующий день поехали на консультацию в ветеринарную клинику. Там, в очереди, явно разбирающаяся во всём дамочка, обращаясь к нам, сказала:

– Ой, какой маленький! Ой, рано как его от титки оторвали.

Несмотря на то, что дамочка, произнося свою речь, смотрела на меня, я, конечно, понял, что это она по поводу кота высказалась.

Через пару дней с котиком стало происходить внешне что-то очень нехорошее. Он плохо стоял на ногах, падал или двигался только на передних лапах, задние волооча, а то и начинал биться в конвульсиях, резко дёргаясь всем туловищем куда-то вперёд. Ни дать ни взять кошачий зомби. Он дёргался так резко, что его было весьма затруднительно удержать в руках. Мне его было жалко, и ещё я боялся, что он сейчас издохнет. В клинике, куда мы вновь экстренно прибыли, ветеринар, осмотрев кота, что-то ему вколол и сделал прогноз, что вряд ли это поможет, и добавил, мол, не переживайте, подберёте другого, особой ценности сей кот не представляет. В общем, нормальный, повидавший всякое, ветеринар. Коту тем временем стало легче.

Вечером я, на всякий случай, приготовил пустую коробку из-под обуви. Великовата, конечно, но ничего другого не нашёл.

Назавтра всё по новой. Котёночек помирать не хотел, а продолжал как-то уж очень агрессивно биться в конвульсиях. Пришлось снова ехать в клинику, но уже в другую. Пускай этот кот особой ценности и не представляет, но за несколько дней мы уже к нему начали привыкать и прониклись ответственностью. В этой клинике было уж очень светло, чисто и дорого. Впоследствии посещали мы это место несколько раз, накупили кучу каких-то лекарств, делали уколы подкожно и внутримышечно по несколько раз в день. В ветлечебнице нас принимали по записи, мы с маленьким беспородным чудовищем на руках шли мимо очереди, состоящей из каких-то, видимо очень дорогих, котов и собак, прямиком в процедурный кабинет. Врач говорил, что надежда есть, что коты живучие, и хоть не очень понятно, что именно с вашим, но будем лечить. Кот выжил, и мы с ним дружили несмотря на то, что вскоре его пришлось кастрировать. Он такой же ласковый и общительный, как его мать.

Удерживая любимца на руках, я, наконец, встал и пошёл на кухню. Насыпал ему корма, и кот с удовольствием захрустел. Себе сварил яйцо, сделал гренки, налил куриного бульона, и поел тоже с удовольствием, потому как хоть и завтракал я недавно, но время ведь уже обеденное – расписание выходного дня. Затем я усталился в окно. На улице посветлело, солнце где-то явно пыталось пробиться сквозь облака, ветер усилился, голые ветви деревьев интенсивно качались то в одну, то в другую сторону... Получается, что я осознанно изменил субъективную реальность кота? Эта мысль вернула меня к тому, что произошло в картинке. Я что-то хотел спросить там, но не успел, кот-обормот не дал. А сейчас не помню, что именно, что-то наверняка важное.

– Котя, я изменил твою реальность, ты это понимаешь? – спросил я, отворачиваясь от окна, но кота на кухне уже не было. Не было и его миски, странно, что-то не помню, чтобы я её убирал.

Следующее утро так же проходило по расписанию выходного дня. Ведь пятница же! Никогда не любил работать по пятницам. Позавтракав, я попытался разыскать кота, но потерпел неудачу, и в итоге просто прилёг на диван. Где же он запропастился? Кот пришёл, кот ушёл... Точно! *Оно* *пришло* – вот то важное, что я услышал в полусне. А я же спросил, но понятного ответа не получил. А оно пришло ко мне, так было сказано. Что *оно*? В квартире, кроме меня, никого нет, и никто не приходил, даже кот куда-то делся. Ну а что я хотел, ведь *оно* – это значит что-то не живое. Живое не может быть «оно», если только оно опознано. Вот если не опознано, то, конечно, можно сказать «нечто неизвестное, и оно живое». А вот бывает ли известное живое «оно»? Вроде бы нет. Кошка – она, кот – он, конь, корова, птица, рыба, рак, амёба, инфузория. О, яйцо – оно. Но, оно не то, чтобы живое, да и не думаю, что в картинке имелось ввиду, что яйцо пришло ко мне. Нет, тут скорее что-то абстрактное, например, воспоминание, мировоззрение, понимание, чувство... Больше что-то не придумывается. Вот явно что-то из этого ко мне и пришло. Так... Воспоминания всякие ко мне и раньше приходили, а вчера вообще был какой-то день воспоминаний. Разве что именно это воспоминание пришло? Но ведь это и так было понятно, зачем об этом дополнительно сообщать. Мировоззрение, какое-никакое, у меня уже есть, да и про него не скажешь «оно пришло», мировоззрение как бы постепенно формируется. Я его до сих пор формирую, читаю всякие умные книги. Что тогда? Понимание? Так я же не понял ничего. Чувство? Это, конечно, может быть. Только что-то я пока не чувствую это пришедшее чувство, ха-ха. Надо ещё подумать, что есть такое подходящее среднего рода. А, ну или спросить в следующем полусне. Только у кого? С кем я сегодня там общался? Наверное, с подсознанием. Но подсознание никогда ранее не вступало со мной в такой диалог. Прилетало, бывало, всякое, но заумных бесед ранее мы не вели. Точно, это «голос свыше»! Ой, нет, лучше уж «голос из прекрасного далёка». Далёко, кстати, средний

род. Нет, куда-то не туда меня понесло. Надо всё ещё раз обдумать и спросить, только бы не забыть обдумать и спросить, да, надо это записать, только бы не забыть, что всё это надо записать... Размышляя, я и не заметил, как уснул. Задремать в середине дня не так уж и плохо, а по правде говоря, просто замечательно. Проснулся же я вскоре от того, что утренний кофе просился наружу. Пока сходил, забыл, что хотел записать.

К своему общению с подсознанием я относился не очень серьёзно, где-то даже подшучивал сам над собой. Картинки, хоть и вызывали интерес и порой чувство тревоги, но слишком долго о них я не раздумывал. Читать книги и статьи были гораздо интереснее. Но вчера что-то поменялось. Если считать, что я общался с подсознанием, или с кем-то (чем-то) через подсознание, то получается, что это общение и визуализация картинки слились в одно целое, как бы два в одном. При этом таких диалогов и таких перемещений раньше не было. Поэтому и воспринял я в этот раз всё серьёзнее.

Что-то упало в зале, наверное, кот шалит. Я пошел посмотреть. На входе в зал лежал небольшой ковёр, а на нем валялась вазочка. Наклонился взять вазочку, и ковер приблизился к моим глазам. Какой же всё-таки он пёстрый. Когда я сколько-то лет назад делал ремонт, то все ковры выбросил, только этот небольшой оставил. А ведь раньше было модно и престижно иметь дома ковры. Они лежали на полу, собирая пыль, висели на стенах, тоже собирая пыль, ими могли накрывать диван или даже сиденья в автомобиле. Висели коврики и над детскими кроватками, лёгкие, совсем не толстые, наверное, полстраны выросло под такими ковриками, с котятками или с оленями. Лично я рос под котятками, шестеро из них сидели в корзине, а двое игрались с клубком ниток. А когда наступала суббота, ковры сворачивали, закидывали на плечо и несли во двор выбивать. В каждом дворе были организованы металлические рамы, на которые закидывали ковры, а потом с обеих сторон колотили их, что есть мочи, выбивалкой. Пыль стоит облаком, через некоторое время сам покрываешься пылью, и дышать становится невозможно. Но надо стараться выбивать быстрее, чтобы не задерживать очередь из угрюмых людей с коврами на плечах. Гораздо приятнее было выбивать ковры на свежеснеженном снегу. Утром в выходной день глянешь в окно, а там как раз выпал свежий снег. Красота. Быстро-быстро, чтобы опередить соседей, скручиваешь ковры и еле тащишь их на улицу. Там падаешь вместе с ними в снег, разворачиваешь лицевой стороной вниз и выбиваешь, стоя на коленях. Тут уж и соседи подтягиваются, а самым соням свежего снега может и не хватить. Весело, шумно идёт процесс. А потом дома из окна смотришь, весь снег в рыжих пыльных пятнах – вот уже и нет красоты. Впрочем, конечно, хорошо, что мода на ковры прошла. Надо будет и с этим оставшимся ковром что-то сделать, то ли выбить на снегу, то ли всё-таки выбросить. Но пока я не мог с ним расстаться. Он был не только мой. И рисунок меня интриговал, он напоминал то ли огромную яркую бабочку, то ли какое другое животное. Я много раз разглядывал его, можно даже сказать, что нравился он мне именно своей неразгаданностью.

Кота нигде опять не видно, а вазочку я, кажется, поставил на место.

\* \* \*

Поздней осенью темнеет так рано, что даже не понятно, пора ли готовиться ко сну. Люстра на потолке светила в три лампочки, но этого всё равно было мало, чтобы нормально читать.

– Бабушка, а расскажи мне что-нибудь интересное, – попросила девочка, отложив книгу. Она сидела на диване, как-то по-особенному скрестив ноги и укрыв их одеялом.

– Ну, пожалуйста, расскажи, – она смотрела на бабушку, не отводя взгляда, в котором читались любопытство и нетерпение.

Бабушка сидела в кресле ровно, положив руки на колени ладонями вниз. Ей было очень много лет, столько, что даже она сама не помнила, сколько точно. Полностью седые волосы опускались до самых её плеч, и в тот момент, когда к ней обратилась девочка, бабушка думала

о том, что пора попросить дочку, чтобы та её постригла. Она даже не сразу поняла, что от неё хочет эта девочка. Что-то рассказать? С чего бы это вдруг?

– Я тебе не бабушка. Я же просила тебя обращаться ко мне по имени отчеству, – строго ответила она.

У бабушки были дети – сын и дочь. Сын пропал без вести во время войны совсем молодым. А у дочери после первого замужества родились дети, тоже сын и дочь – бабушкины любимые внуки. Недавно бабушкина дочь вышла второй раз замуж, за вдовца, у которого была дочь – девочка лет двенадцати-тринадцати. Именно эта девочка сейчас к ней и обращалась. В этот вечер они были дома одни.

– Папа сказал, что теперь ты и моя бабушка. Но даже если ты с этим не согласна, то ведь всё равно ты бабушка, пускай и не моя родная, а значит, я могу тебя так называть, и, я уверена, ты знаешь много-много всего интересного. Расскажи мне, ну, пожалуйста, – девочка не сдавалась, она хорошо говорила и могла быть убедительной. И она совсем не смутилась от того, что ей ответили, потому что точно знала: все бабушки добрые.

Бабушка почему-то даже сама себе не спешила признаться, что эта девочка ей очень нравится. Конечно, внуков она любила беззаветно, но эта девочка производила на неё самое благоприятное впечатление. Отец девочку явно не баловал, и та научилась сама управляться по дому, что-то даже готовила, убирала, стирала, как могла. Бабушка успела заметить, как самостоятельно и очень аккуратно девочка делает домашнее задание, как часто потом сидит с книжкой на диване, поджав ноги, как она всегда очень искренне смотрит, складно говорит и красиво улыбается. Пожалуй, бабушка и сама была не прочь однажды поговорить с этой девочкой, рассказать ей что-нибудь, но она никак не ожидала, что услышит вот так вдруг такое обращение к ней и такую просьбу. Возможно, она сама не сознавая того, опасалась, что её родным внукам может не понравиться то, что эта девочка также называет её бабушкой, а тут ещё и «расскажи что-нибудь интересное».

Поразмыслив ещё о чем-то своём, бабушка всё-таки улыбнулась, хоть и самыми уголками губ. А в ответ тут же увидела радостную улыбку на лице девочки.

– Что же тебе рассказать? Сказку? – спросила бабушка.

– Сказки я все знаю, лучше не сказку, а что-нибудь интересное, – попросила девочка.

– Так уж и все сказки знаешь? – бабушка слегка нахмурилась.

– Может, конечно, и не все, но очень-очень многие, мне папа много рассказывал, когда я была маленькая, а потом я и сама читала, но ведь я уже выросла из того возраста, когда любят сказки, – девочка говорила очень доходчиво и очень уверенно.

– Подожди, дай-ка я подумаю, – ответила бабушка.

Бабушка думала, глядя на свои руки, а девочка глядела на неё во все глаза и терпеливо ждала. Мысли бабушки сначала путались, но затем она внезапно поняла, что именно должна рассказать. Ведь может случиться так, что она уже скоро уйдёт в мир иной, и её многолетняя тайна так и останется только её тайной. Ведь никому нельзя было эту тайну рассказать на протяжении долгих лет, а тут эта девочка, она ведь такая хорошая. А тайны по большому счёту и созданы для того, чтобы их по секрету кому-нибудь рассказали.

Из коридора послышался звук открывающейся двери, который и прервал бабушкины размышления. Это пришла дочь с внуками, и бабушка даже немного испугалась, как будто они могли услышать её мысли.

– Я знаю, что тебе рассказать, но сделаю это в другой раз, когда мы опять будем дома одни, – тихо сказала она девочке.

\* \* \*

Зима проходила скучно. И даже новогодние праздники прошли как-то незаметно, и с уверенностью не могу сказать, ставил ли я дома ёлку. То ли дело новый год в детстве, украше-

ние ёлки – таинство со своими традициями. Ёлка тогда была такой большой, что можно было не только заглянуть под неё в поисках подарков, но и при желании залезть под ёлку самому, лёжа протянуть руку вверх в гущу колючих веток и аккуратно снять шоколадную конфету в восхитительной яркой обёртке.

Разнообразие в пустоту вечеров этой зимы вносили мои размышления над искажёнными картинками и замечательные снегопады. Приплюснув нос о стекло окна, было так хорошо наблюдать за крупными хлопьями снега, пролетающими мимо уличных фонарей. Иногда игра света и тени заставляла снегопад превращаться в каких-то неведомых тварей, и это меня немного пугало, хоть и мерещились они мне всего лишь мгновение. Как-то утром я, выйдя на балкон, вместо машин обнаружил снежные сугробы. Где спряталась моя машина, я мог предполагать только исходя из размеров сугроба, так как, конечно, не помнил, где её оставил. Сугроб с моей машиной внутри должен быть маленьким. Я даже решил вооружиться лопатой и выйти во двор, но лопата так и не нашлась, ни на лоджии, ни в кладовке, ни в темном шкафу в коридоре. Я потратил немало времени на её поиски, прежде чем забыл, что же ищу. Потом моё внимание привлек пёстрый ковер с рисунком, и я уж было подумал, а не пойти ли поколотить его на снегу, но точно так же, как не нашлась лопата, не нашлась и выбивалка для ковров. Вероятно, когда-то я выбросил её вместе с коврами. У соседей видимо тоже не сохранилось ни ковров, ни выбивалок, а лопаты куда-то подевались, благодаря чему я целый день мог наслаждаться из окна видом чистого снега.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.